

подобно полезным з акамъ, произрастающимъ среди плевеловъ. Члены элиты по необходимости входятъ въ составъ человѣческаго общества; но они не образуютъ своего общества: ихъ связь другъ съ другомъ — чистое **общеніе**; съ обществомъ-же людскимъ у нихъ **общенія** нетъ и не можетъ **быть**. Речь идетъ не о непониманіи выдающихся людей **массами**—фактъ постоянный и общечеловѣчскій: непониманіе предполагаетъ знакомство; въ наше время «избранныхъ», элиту, не то чтобы не понимали: ихъ просто не **знаютъ**, не **замѣчаютъ**. И это различіе въ отношеніи современной и прежней «черни» къ «избраннымъ» объясняется различіями общественной структуры. Прежняя «элита» обладала **престижемъ** тою слою, къ которому она принадлежала — и это возбуждало къ ней интересъ и даже влечете. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, то, что она давала «черни», изобиловало элементами **общепонятнаго** и общедоступнаго и именно эти элементы въ ея творчествѣ заставляли его подлинную сущность. Что касается современной элиты, то, во-первыхъ, она не опирается ни на какую социальную категорию, которая могла бы сообщить ей свой престижъ — до такой степени поднялось са-

мосознаніе «черни»;—во-вторыхъ, ея творчество свободно отъ тѣхъ элементовъ «человеческаго черезчуръ человѣческаго», благодаря которымъ продукты творчества всѣхъ предыдущихъ періодовъ имѣли спросъ и распространеніе въ качестве, такъ сказать, суррогатовъ тою, что «чернь» всегда требовала отъ философовъ, поэтовъ, музыки, живописи: Достоевскаго, если угодно, можно читать въ качествѣ суррогата Уоллеса или Бибутовой, а Бунина или Пруста никакъ нельзя. До сихъ поръ «элита» кому-то или чему-то такъ или иначе служила — «человечеству», «прогрессу». Теперь, въ силу необходимости, ея «служеніе» не направлено ни на что, кроме — выпоненія своей призванія. Какъ нельзя более характерны для нашей времени слова, которыми заключаетъ свою книгу «Всемирная Исторія и ея ритмъ» одинъ изъ наиболее вдумчивыхъ представителей современной элиты, Фридрихъ Корнелиусъ *) • «Цель историческую развѣнія не лучшее будущее, а — будь ты самъ темъ, чѣмъ Богъ хочетъ, чтобы ты былъ»

П. Бицилли.

*) Fr. Cornelius, Weltgeschichte und ihr Rhythmus. 1925.

Проектъ мнимаго дѣла

(О Н. О. Федоровѣ и его продолжателяхъ).

Въ исторіи русской мысли мѣсто Н. О. Федорова определить не просто. Писателемъ онъ не былъ, и философской системы не строилъ. Не былъ онъ и проповѣдникомъ, хотя и чувствовалъ

себя призваннымъ свидѣтельствовать. Если писалъ, то для себя и разве для немногихъ друзей, а всегда очень доверительно, и не для чужихъ. Никогда не могъ сделать общаго очерка своихъ

воззрений. Есть нечто «сократическое» в его манере писать и излагать свои мысли, — всегда это точно и чёткий разговор. Это всегда есть слово, кою-то призывающее или убеждающее, собеседование. Изданы рукописи Федорова были впервые уже после его смерти, его почитателями, и снова «не для продажи». Издано было и не все, что оставалось. Немногие отдельные статьи и письма были опубликованы уже в последние годы, в эмигрантских изданиях*. Читать Федорова стали только недавно. Вряд ли многие прочли или читают его даже и теперь. Но становится принятым* говорить или упоминать о нем, на него ссылаться, к нему отсылать. К имени Федорова обнаруживаются особое внимание и пристрастие строители новой «переволноующей» идеологии, в самой России и в эмиграции*). У Федорова они находят оправдание или подкрепление сво-

*) Приводимъ здѣсь неполный и случайный списокъ появившихся за рубежомъ изданий, посвященныхъ Н. Федорову, — тѣхъ лишь, которыя были за последние годы получены редакціей «Совр. Записокъ» для отзыва.

Н. Ф. Федоров. Философия общаго дела. Т. I. Вып. 1 и 2. Харбин, 1928-1929. — А. К. Горностаев. Передъ лицомъ смерти. Л. Тотстой и Н. Федоров. Харбин, 1928. — А. К. Горностаев. Рай на землѣ. Ф. Достоевский и Н. Федоров. Харбин, 1929. — Вселенское дело. 2. Сборник. Рига, 1932. — Н. А. Сетницкий. О конечномъ идеале. Харбин, 1932. — А. Остроумов. Н. Федоров и современность. Вып. 1, 2, 3 и 4. Харбин, 1932-33

их* замысловъ и намѣреній, — во всякомъ случае, приязакоть находить. Мировоззрѣніе Федорова в* такихъ построенияхъ сопоставляется с* советской дѣйствительностью. И въ немъ рассчитываютъ найти идеологическую опору и основаніе для новаго и плановаго соціального активизма. Есть что-то очень современное, и даже злободневное въ мысляхъ и разсужденіяхъ этого «загадочнаго мыслителя», принадлежавшаго еще почти что к* поколѣнію «сороковыхъ годовъ» (родился въ 1828-омъ* и умеръ въ 1903-м*). Страннымъ образом*, въ симпатіяхъ къ ученію Федорова сходятся люди стиликомъ разныхъ вкусов* и складов*, от* ревнителей бытоваго православія до строителей коммунистическаго быта (называютъ Валерія Брюсова и М. Н. Покровскаго). Есть и небольшой кругъ непосредственныхъ почитателей самого Федорова, «знаменосцев*» и продолжателей его идеологическаго дела. Они держатся какъ-то обособленно, сами по себе. Говорят* они об* «общемъ дѣлѣ», но силенъ у нихъ духъ обособленія. И, во всякомъ случае, то «общее» дело, о котором* они говорятъ, есть дело совсем* особенное, котораго никто другой не дѣлаетъ, кроме нихъ. Отъ участія въ дѣлахъ другихъ людей они скорѣе уклоняются. Есть здѣсь точно низкая система последовательнаго уклоненія... Такъ было уже и у самого Федорова. Онъ прожилъ жизнь замкнутую и одинокую, и объ этой жизни известно немного. Почти ничего не знаем* о его молодыхъ годахъ, когда складывалось и сформировалось его мировоззрѣніе, когда сложилась его типичность. Молодые годы

онъ провель въ глухой проникши, потомъ сталъ московскимъ старожиломъ. Жиль онъ въ бѣтности и скромно, служилъ на невидныхъ мѣстахъ. Но его скорее назовешь абстинентомъ, нежели эскетомъ, и сию бедность больше напоминаетъ древнихъ киниковъ, чѣмъ хотя бы Франциска и его учениковъ. ведоровъ не столько подвизается, сколько воздерживается, — онъ сторонится и избѣгаетъ, онъ не хочетъ принимать участія въ строительствѣ южной жизни. И сию скромность или «бедность» есть только особый и очень своеобразный вариантъ «не-дѣланія». Изъ существующей культуры онъ, во всякомъ случаѣ, выступаетъ. Изъ творимой исторш онъ выходитъ и уходитъ, и ей противопоставляетъ свой «проектъ»... И въ этомъ «проектѣ» затворяется, имъ загораживается или отгораживается отъ Мира. Онъ живетъ въ своемъ Мирѣ. Одинокая греза объ общемъ деле, таковъ основной паралогизмъ всего міровоззрѣнія Федорова. У его эпигоновъ это сказывается еще резче. Въ этомъ ихъ утопизмъ. Психологически утопизмъ и есть такое **бѣгство** въ мечту, мечтательное **удиненіе** изъ **исторш**. Такая «мечтательность» вполне совместима, и часто совмещается, съ самой жгучей «волею къ власти». Мечтатель и утопистъ можетъ захватить власть, можетъ ворваться въ исторш, какъ деятель. Въ исторш любой революцш тому много примѣровъ, самыхъ яркихъ. И все-таки остается мечтателемъ, обособленнымъ и уединеннымъ, сектантомъ своей идеи. Основная тема въ творчестве Достоевскаго и есть объ этомъ мечтательномъ насилш или

о насильничествѣ мечтателей... Самъ Н. О. ведоровъ и былъ мечтателемъ. Онъ не былъ прозорливцемъ и къ «созерцанію» онъ относился пренебрежительно и враждебно. Въ его разсужденіяхъ мечтаній много больше, чѣмъ дѣйствительнаго виденія или прозрѣній.. Психологически ведоровъ принадлежитъ къ той-же исторической формации, что старые французскіе утописты, Сень - Симонъ, Фурье, Леру, Огюсть Контъ. Все они — мечтатели. И въ свою грезу каждый изъ нихъ верилъ больше, чѣмъ въ дѣйствительную исторш.. И эти имена вспоминаются здесь не случайно и не напрасно. Здесь не только формальное сходство, и не только историческая смежность ведоровъ органически связаны съ этимъ старымъ французскимъ гуманизмомъ и утопизмомъ. Не онъ одинъ въ Россіи увлекался фурьеризмомъ и конгизмомъ въ сороковыхъ и шестидесятихъ годахъ. То было подлинное повѣтріе въ русской средѣ, у многихъ оно окрашивалось въ релипозные тона. И въ этомъ отношенш ведоровъ былъ вполне человекомъ своего поколѣнія. Однако, міровоззрѣніе Федорова оставалось загадочнымъ, казалось неожиданнымъ и его сверстникамъ, пережившимъ аналогичный съ нимъ опытъ. Имею въ виду Достоевскаго, прежде всего. Это впечатлѣніе загадочности и какой-то неожиданности остается и до сихъ поръ... Можно сказать даже больше. Все міровоззрѣніе ведорова построено на явномъ противорѣчш. Онъ притязаетъ строить философи Христіанства, и исходитъ изъ предпосылокъ «релипш **Человѣчества**». И главная

странность его системы в томъ, «по изъ нея легко вычестъ «индизу Бога», и въ ней ничто не переменилось бы. Сейчасъ многе изъ продолжателей Федорова такъ именно и поступаютъ, и даже обрашаютъ его систему, въ идеологию безбожнаго или богоборческаго строительства. И это совсѣмъ не есть насилие надъ замысломъ* творца. Это скорее есть возвращеніе къ истокамъ системы. И въ такомъ «человеко-божескомъ» истолкованіи эта система оказывается более целостной и связной, чѣмъ при всякой попытке понимать ее в* плане историческаго христианства. Христіанскій убор* системы не долженъ вводить въ заблужденіе. И не такъ важно, откуда взяты слова и образы, — гораздо важнее, какимъ духомъ оживляется вся система, откуда ея предпосылки... Строго говоря, у Федорова была одна всепоглощающая тема, одинъ навязчивый замысль. И это — тема о смерти. И этотъ замысль — воскресеніе мертвыхъ... Федоровъ исходитъ изъ критики существующей жизни и отношеній. Онъ находитъ міръ въ распаде и разладе, в* состояніи раздробленномъ и разсѣянномъ. Его смущаетъ ослабленіе и даже перерывъ* братских* и родственныхъ чувствъ, и онъ горько свидѣтельствуетъ объ этомъ «не-родственномъ» состояніи мира. Здѣсь онъ очень напоминаетъ романниковъ вообще, особенно же французскихъ утопистовъ. Об* «анархизмъ» говоритъ Кошъ, объ оскуденіи «братства» — Сень-Симонъ, о «раздробленіи» жизни — Фурье. И самоутвержденію обособившагося челоѣка все они противопоставляли начало «общенія» и «братства», начало со-

гласія и совмѣстнаго труда. Здѣсь Федоровъ къ нимъ близокъ, — и важно подчеркнуть: момент* общности вводится здѣсь подъ знакомъ дела, подъ знакомъ труда. Именно это для Федорова характерно. Роднить его съ французскими социалистами и пафосъ родовой цельности и полноты. Речь идетъ всегда именно о Человечестве... Но боль Федорова еще острее и глубже. Онъ ранен* временемъ, прежде всего. Ведь полнота челоѣчества нарушается больше всего именно временем* и смертью. Одного возстановленія «родственных*» и «братских*» чувствъ* еще никакъ недостаточно. Ибо полнота человечества все равно не будетъ достигнута и осуществлена. Пока существуетъ смена поколѣній, пока все поколенія не совмещены сразу... Потому Федоровъ* вмѣняетъ въ долгъ не только любить ближних*, но и воскресить предков*... В* этомъ и заключается пресловутое «общее дело», — воскресеніе отцовъ... Вместо того, чтобы въ рожденіи потомковъ простираться п* дурную безконечность и вовлекаться в* смену рождений и смертей, нужно обратить все инстинкты и страсти и сосредоточить ихъ въ трудовомъ воскресеніи предков*... Федоровъ употребляетъ христіанскую терминологию, и можно подумать, что говорит* онъ о томъ же. В* дѣйствительности, онъ говоритъ совсѣмъ о другомъ... Его религія не есть религія спасенія, это религія борьбы. И даже не религія. Самымъ чуждымъ для него было именно понятіе «спасенія». От* чего же спасаться, онъ никогда не мог* понять. Он* не видѣлъ въ мире зла, но только хаосъ и сти-

хию. Онъ не признавалъ греха, но только слабости и недоразумѣнія. Онъ видѣлъ въ мірѣ враговъ. И съ врагами нужно бороться... Собственно есть у человѣка только одинъ дѣйствительный врагъ. Но и тотъ врагъ только **временный**... Этотъ врагъ — природа или смерть... **ЗДЕСЬ** характерно именно это «или»*. Природа слепая и въ этой своей слепоте губительна и смертельна. Но **СТИХІЯ** сильна, пока не обуздана. Сильна, пока **не** силенъ человекъ, пока онъ не **прозрѣетъ**. И человекъ сильнее природы, и онъ призванъ овладеть природою, обуздать и обратить въ покорное орудіе смысла и разума. Тогда и смерть прекратится... «Природа въ насъ начинаетъ не только сознавать себя, но и управлять собою. Въ насъ она достигаетъ совершенства или такого состоянія, достигнувъ котораго, она уже ничего разрушать не будетъ, а все въ эпоху слепоты разрушенное возстановитъ, воскреситъ»... Такъ природа становится и достигаетъ исполненія въ труде и деланіи человека. Человекъ не до-созданъ природою, и самъ долженъ и самую природу до-создагъ. Онъ долженъ внести въ природу разумъ... Въ **Міро-воззрѣніи** Федорова самымъ неяснымъ оказывается учете о человеке. Интересуетъ ведорова собственно только судьба **человѣческаго** тела. И вѣдь именно **чрезъ тѣло** человекъ и сросенъ съ природою... Но остается совсемъ неясно, какова же судьба души». Остается и то неяснымъ, что же есть смерть... Остается неяснымъ, кто умираетъ и кто **воскресаетъ**, — **тѣло** или **человѣкъ**... О загробной жизни умершихъ ведоровъ едва упоминаетъ. Онъ говорить

больше о ихъ могилахъ, объ ихъ могильномъ прахе. И весь феноменъ смерти въ изображеніи ведорова сводится* собственно къ тому, что **поколѣнія** вытѣсняють одно другое, что **слишкомъ** коротки сроки жизни, и вся совокупность **человѣческихъ** поколѣній не можетъ осуществиться сразу.* Смерть въ его **пониманіи** есть только **натуральный** изъянъ, недоразвитость природы и Міра. Поэтому и **врачеваніе** предлагается **натуральное**, въ **предѣлахъ** природы, силами человека и природы, безъ всякаго **трансцензуса**, безъ благодати. «Нужно еще прибавить, что **воскрешеніе**, о которомъ здесь говорится, есть не мистическое, не **чудо**, а естественное **слѣдствіе** успешнаго познаша **совокупными** силами **всехъ** людей **слѣпой**, смертоносной силы природы»... ведоровъ **настоячиво** подчеркиваетъ эквивалентность этого естественнаго **возстановленія**... Въ изображеніи «дисгармоній **человѣческой** природы» ведоровъ неожиданно **ганомируетъ** Мечникова. Оба **рѣшаютъ** одинъ и тотъ же вопросъ. У Мечникова даже больше тревоги, больше **вниманія** къ индивидуальной **судьбѣ** ведоровъ мало интересуется судьбой отдельной особи или организма о себе. И въ **воскрешенномъ** Міре его интересуется не столько полнота **лицъ**, сколько именно **поколѣній**, — осуществленная или **возстановленія** целость **рода**... Учете о **человѣческой** личности у **Федорова** совсемъ не развито. Индивидъ **оста**ется и долженъ быть только **органомъ** рода. Потому и среди чувствъ **человѣческихъ** выше всего ведоровъ ценить **привязанности** и связи **кровныя**, **«родственныя»**... Разгадку смерти ведорочъ

ишет* на путях какой-то человеческой биотехники. И характерно, что **органическимъ** процессамъ он* противопоставляетъ именно **технические**, естественной силе рождения — человеческий трудъ и расчет*. В* природѣ Федоров* не видит* и не признаетъ никакого смысла, ни целей, ни красоты. Миръ ест* хаосъ и стихия, потому в* немъ и нет* мира. Смыслъ в* Миръ привносится только трудом*... Жизненному порыву Федоровъ противопоставляет* трудовой проект*, — своего рода нѣкую космическую **многолѣтку**... Человек* для Федорова есть, прежде всего, техник*, почти что механикъ природы, распорядитель и распределитель. И высший образъ действия для него — регулищя... Разум* долженъ согласить и сочетать хаотическія движенья и процессы Мира, внести в* нихъ разумную закономерность. Метеорическая регулищя для начала, и въ будущемъ — управление движеньями самой земли. Мы должны стать небесными механиками въ прямомъ смысле, покорить сознанию космос*. «Когда этотъ вопросъ будетъ разрешен*, тогда впервые въ небесномъ пространствѣ явится звезда, или планета, управляемая сознаниемъ и волею». В* томъ и видитъ Федоровъ язву грѣхопаденія, что человекъ потерял* свою космическую власть и мощь. И въ человеке ослепла самая природа... Главное же въ том*, чтобы возвратить или восстановить свою власть надъ собственнымъ тѣломъ... **Человѣкъ** долженъ вновь овладеть своимъ тѣломъ изнутри, — «долженъ настолько познать себя и миръ, чтобы иметь возможность производить себя изъ самыхъ **основныхъ**

начал*, на которыя разлагается человеческое существо». И это умѣніе «воспроизводить себя» предполагаетъ соответственную власть и надъ всякимъ **человѣческимъ тѣломъ**, надъ материей вообще, — ибо весь миръ есть прах* предков*. Извлекать частицы умершихъ тѣлъ придется изъ сидерическихъ далей, изъ теллурическихъ глубин*. Для Федорова здесь вопросъ **стоитъ** именно о собираніи и сочетаніи частицъ, о складываніи **разложившагося**. Соловьев* съ **основаніемъ** опасался, не будетъ ли это «**оживленіемъ** трупов*». У Федорова есть несомненный привкусъ какой-то некромантіи. И самое загадочное в* его теоріи «воскрешеній» связано, с* этимъ **удивительнымъ** нечувствіемъ личности человеческой. Федоровъ предлагаетъ экспериментировать съ **прахомъ** и надъ **прахомъ** предков*, точно ихъ все и **нѣтъ**. Многие изъ современныхъ продолжателей Федорова такъ и думают*, повидимому, — по крайней мере, **откровенно** признаются, что не интересуются «**безсмертіемъ** души» и ея «загробной судьбою». Тогда спрашивается, кого же **воскрешаютъ**... И тогда становится неотразимой реплика о. Сергія Булгакова: «Появленіе на земле роботовъ въ физическомъ облике прежде умерших* людей не есть воскресеніе мертвых*»... Самъ Федоровъ призывает* воскресить чужія тела, точно не «собственная» душа является **первичнымъ** и непосредственной «жизненной силой» своего тела. Вся задача сводится къ новому складыванію тел*, и остается какъ-то неясным*, чемъ же объединяется этотъ агрегатъ частиц* и какъ превращается онъ

въ живой организм. Остается и то неяснымъ, что же есть въ судьбе человѣка его смерть, это развоплощеніе, этотъ уходъ въ какое-то блѣдное царство. Именно въ системѣ ведорова такой вопросъ становится совершенно неотразимымъ. Иначе самый «проектъ» останется немотивированнымъ и необоснованнымъ. Но на этотъ вопросъ у ведорова ответа нѣтъ, и самого вопроса онъ какъ-то не замѣчаетъ. У него, страннымъ образомъ, вовсе нѣтъ антропологии. Получается впечатлѣніе, что онъ собирается готовить новыхъ томункулъ въ in vitro... ведоровъ, действительно, хотель бы космическій организмъ перестроить или обратить въ механизмъ. И ожидать, что отъ такого обращенія и рационализации міръ оживетъ и воскреснетъ, станетъ безсмертнымъ. «Обращая вліяніе земной массы въ сознательный трудъ, объединенный родъ человѣческій дастъ земной силе, управляемой разумомъ и чувствомъ, следовательно силе живоносной, преобладание надъ слепыми силами другихъ небесныхъ тѣлъ и соединитъ ихъ въ одномъ живоносномъ дѣле воскрешенія... Тогда и откроется «трудоу рай»... Сила — отъ знанія и отъ сознанія Сила — отъ разума. И воскресете есть дело науки и дело искусства. И воскресаются умерше естественными же силами, теми же силами природы, только повороченными къ новымъ цѣлямъ... ведоровъ имель въ виду, прежде всего, обращеніе естественной и стихійной силы рожденія, «превращеніе рожденія въ воскрешеніе», использование эротической энергии рождающаго пола для возстановленія родовой полноты, «Природному размноже-

нію въ христіанствѣ соответствуе-ть, въ отрицательномъ смысле». — цѣломудріе, т. е. отрицате рожденія, а въ положительномъ — всеобщее воскрешете, т. е. воспроизведеіе изъ того излишка) который тратится на родотвореніе, и изъ праха, произведеннаго разрушительной борьбой прежде жившихъ поколѣній... Въ этомъ странномъ религіозно - техническомъ проекте хозяйство, техника, маія, эротика, искусство сочетаются въ нѣкій прелестный и жуткій синтезъ. И нужно еще разъ подчеркнуть: ведоровъ всегда предпочитаетъ сделанное рожденному, и искусственное — естественному... «Знаемъ вещества и его силъ возстановленныя, прошедшія поколѣнія, способныя уже возсозидать свое тело изъ элементарныхъ стихій, населять міры и уничтожать ихъ рознь... Земля станетъ первою звездой на небе, движимую не слепую силою паденія, а разумомъ, возстановляющимъ и предупреждающимъ падете и смерть. Не будетъ ничего дальняго, когда въ совокупности міровъ мы увидимъ совокупность всехъ прошедшихъ поколетей. Все будетъ родное, а не чужое... Этотъ день будетъ дивный, чудный, но не чудесный, ибо воскресете будетъ дѣломъ не чуда, а знанія и общаго труда... Съ этимъ гуманистическимъ активизмомъ у ведорова связано условное пониманіе эсхатологическихъ пророчествъ Библии, какъ только предупрежденій и предостереженій, обращенныхъ педагогически къ воображенію и волѣ людей. Они говорятъ только о томъ, что случилось бы подъ условіемъ человеческого недѣланія. И для ведорова это, все-та-

ки, только икий casus irrealis... Любопытно, что «трансцендентное» Воскрешение силою Божией по Федорову приравнивается «воскрешению суда», воскресению гнива. В жизнь воскреснуть человеку должен и может только собственной или естественной силой.. Федоровъ вдается в исключительность самого крайнего оптимистического пелагианства... Своеобразие религиозного построения Федорова не в томъ, что созерцательному или аскетическому христианству онъ противопоставляетъ «деятельное»... Онъ идетъ много дальше. **Божественному** дѣйствию онъ противопоставляетъ человеческое. Онъ* благодати противопоставляетъ трудъ. Одно вместо другого... Догматъ Богочеловѣчества въ системѣ Федорова совсѣмъ не раскрыт*. И «редлѣгія» Н. Ф. Федорова есть **религія** человечества. Это — своеобразный культъ предковъ», — такъ настаиваетъ самъ Н. С. Федоровъ И «религія всеобщего предпріятія», — опять его собственное определение... Учение Федорова есть своеобразная форма религиознаго позитивизма, утонченная форма «позитивной религіи»... Говорят*, Федоровъ былъ церковнымъ человеком*. Но его мировоззрѣніе, «въ* большинстве своихъ предположений», не было христианскимъ вовсе и съ христианскимъ* откровениемъ и опытомъ резко разогласит*. И это скорѣе идеология, чѣмъ действительная вѣра «Христосъ есть воскреснелъ и Христианство есть воскреснелъ» завершениемъ служенія Христа было **воскрешеніе** Лазаря»... Это не случайная обмолвка. Христосъ и былъ для Федорова только величайшимъ **чудотворцемъ**,

которому духи и стихіи повинуются. Таинство Креста оставалось для него закрытымъ — «и самая крестная казнь, и смерть Христа были лишь **безсильнымъ мщеніемъ враговъ** воскресенія и враговъ Воскресителя»... Вифанія, где воскреснелъ Лазарь, для Федорова выше Назарета, и Вифлеема, и самого Иерусалима. У Федорова остается одно прикладное христианство безъ основного. Его «проект*» нисколько не выводит* за пределы «человеческаго, слишкомъ человеческого»... Очень характерно, что у Федорова неожиданно много точекъ близости и соприкосновения съ «Позитивной Политикой» Огюста Конта. И можно думать, не случайно и Влад. Соловьевъ взялся вновь за чтение Конта въ девяностые годы, когда **вліяніе** Федорова на него такъ очевидно. Въ известной статьѣ Соловьева о Конте можно распознать прямые намеки на Федорова... Соловьевъ выделяет* у Конта мотив* **воскресенія**. «Контъ не высказываетъ прямо этой мысли, но кто съ добросовѣстнымъ вниманіемъ прочтетъ все четыре тома его Politique positive, тот* долженъ будетъ признаться, что никто изъ знаменитыхъ въ мірѣ философовъ не подходилъ так* близко къ задаче **воскресенія** мертвыхъ, какъ именно Августъ Контъ». Важно отметить: врядъ ли случайно Соловьевъ называетъ здесь воскресеніе «задачей». Это сразу напоминает* о Федорове.. Мысль Конта всегда обращена къ предкам*. И «позитивный культъ» есть именно культъ предковъ, прежде всего. О погребеніи и о кладбищахъ Контъ разсуждаетъ съ такимъ же **вниманіемъ** и настойчивостью, какъ и Федоровъ.

Общественный культ в «религии человечества» и прикрѣпляется къ священнымъ некрополямъ... Прямо Контъ говоритъ только объ «идеальномъ воскресеніи», — въ памяти или вѣчномъ памятованіи, въ культѣ умершихъ, въ единодушій и единомысли смѣняющихся поколеній съ отошедшими. Но подразумѣваетъ онъ яри этомъ нечто большее, чемъ просто воспоминаніе. Онъ думаетъ все время объ оживляющей силѣ любви. И этотъ мотивъ вообще очень характеренъ для позитивизма. Въ этомъ отношеніи не такъ далеко отходить отъ «Позитивной Политики» даже Гюйо (ср. къ его «L'Irréligion de l'avenir» последнюю главу, гдѣ речь идетъ о личномъ безсмертіи и воскрешающей силѣ любви, торжествующей и надъ смертію). Речь идетъ здесь всегда о некоей интеграціи каэолической полноты личностей въ единство «Великаго Существа», чтобы никто не былъ забытъ и потерянъ. По Контю, «Великое Существо» и состоитъ, прежде всего, изъ усопшихъ, изъ предковъ. И черезъ нихъ именно действуетъ въ исторіи становящагося человечества. Усопшіе властвуютъ надъ живыми тройною силою примера, давности, предатя. И въ томъ залогъ прогресса, чтобы власть усопшихъ усиливалась, чтобы непрерывность въ преданіяхъ и преемствѣ сохранялась. Эта непрерывность во времени по Контю даже важнее солидарности современниковъ. Эта непрерывность и есть связь поколеній въ единство рола, въ единство Человечества... «Великое Существо» позитивистовъ есть, конечно, секулярное или секуляризованное подобіе Церкви, каэолической и вселен-

ской. Въ единствѣ тѣла соединяются неразлучно живые и мертвые, и смерть побеждена. Подобіе и замена, — одно вместо другого... Переживанія церковности очень сильны въ позитивизмѣ, у Конта въ особенности, — имѣю въ виду не намеренное подражаніе или повтореніе христіанскихъ мотивовъ, но именно «переживанія», внутреннюю психологическую однородность... Въ позитивномъ культѣ предковъ, въ этой «идеализаціи» и «адораци» отошедшихъ, сказывается самая острая потребность встретиться съ умершими, какъ съ живыми. Иначе сказать, — потребность преодолеть этотъ тягостный разрывъ между сменяющимися поколѣніями, потребность «остановить мгновеніе», остановить самое время. И последнее «станство» позитивнаго культа есть обрядъ «включенія» или «инкорпораци», т. е. торжественное причтеніе усопшихъ къ благородному лику или сонму предковъ, своего рода канонизація, причтеніе къ составу «Человечества». Не все дети человѣчскія суть члены Человечества, но только тѣ благородные избранники, которые живутъ для другого. Паразиты, ведущіе анархическое и себялюбивое существованіе, остаются вне сонма, ихъ праху нѣтъ места въ священныхъ рошахъ упокоенія. «Человечество», по опредѣленію Конта, есть «непрерывная совокупность сходящихся существъ». И эта «конвергенція» здѣсь для него всего важнее... У ведорова съ Контюмъ, прежде всего, тема общая, — вотъ объ этомъ единствѣ Человечества, всехъ жившихъ человѣческихъ поколеній. И тотъ же духъ притязаемой «науности»,

такой же натурализм или физический, такая же безвзвешенная и невинная антропология. бедоровъ уходитъ дальше Конта, но по тому же пути и, что еще важнее, — отъ тѣхъ же посылокъ, «Гипъ» мировоззрения у нихъ одинакій. И личная религиозность Федорова несколько не дѣлаетъ его системы религиозной. Система остается замкнутой въ человеческомъ. Богъ не дѣйствуетъ въ мирѣ по бедорову, дѣйствуетъ только человѣкъ... Есть у бедорова и другія точки сходства съ Контомъ. Теорія брака у Конта очень напоминаетъ и замыселъ бедорова «обращать» эротическую энергію, и еще больше напоминаетъ Конта Соловьевъ* (разумею его «Смыслъ любви»). Очень любопытное сходство съ идеями бедорова можно отменить въ* трезвахъ того юношескаго кружка «мыслящихъ людей», къ которому принадлежалъ Писаревъ*. Этотъ кружокъ, собиравшійся «для блин очестивыхъ разговоровъ* и взаимной нравственной поддержки», ставилъ* себе задачей, между прочимъ, угашение половой страсти во всемъ человечестве и прекращение рождений. И лелеяли надежду на чудо: не станеть ли безсмертнымъ человечество въ награду за такой подвигъ*, или люди стануть рождаться помимо плотскаго грѣха. За этими трезвами, весьма вѣроятно, стояли впечатленія отъ* того же Конта. Мысль Федорова организовывать постоянный «вселенскій соборъ» ил* представителей духовенства, искусства и науки имѣеть мною общаю с* проектами Кошиля и даже ои* Сенъ-Симона. Много общаю у Федорова и с* Фурье и его «мнѣстическимъ позитивизмомъ*», въ которомъ такъ

причудливо сплетаются мотивы Дидро и Ретифа. Родни гъ ихъ греза о возрожденіи природы и о воскресеніи умерших*, при томъ* именно черезъ сознательную регуляцію природы. И, подобно Фурье, Федоровъ ставитъ* и положительно решаетъ* «небесно-переселенческій вопросъ», — «вознесеніе воскресенныхъ поколеній на небесные міры или земли, которые и будутъ* возсозидаемы и управляемы вознесенными на нихъ* поколениями «воскрененныхъ*»... У Фурье и въ фурьеризме были сильны связи с* давней магической традиціей. Эти магическія традиціи вновь оживаютъ и у бедорова... бедоровъ* и остается до конца въ* этомъ безсходномъ кругу магическаго и техническаго натурализма, въ* кругу нѣкоаго техническаго чудотворчества сознания. Въ* его мировоззреніи не остается места для свободнаго вдохновения, нетъ* места для умнаго деланія и для молитвенныхъ восхожденій. Все мировоззреніе бедорова поражено неискъзтьнымъ практицизмомъ*. Подъ именемъ «трудоваго сознания» онъ проповедуетъ*, въ сущности, самый грубый и насильническій утилитаризмъ. Онъ и самъ проговаривается о «тягелѣ» своего принудительнаго религиозно-магическаго «проекта». Подъ именемъ «свободы», о которой онъ любитъ говорить, онъ разумеетъ* только трудъ, — своими руками. И приходится спросить себя, не возвращаются ли вновь тѣ странные и жуткіе тоды, когда русскіе интеллигенты отиѣняли эстетику и самое искусство, отменяли безкорыстнос творчество, «ради дела», въ* павосе пользы и филантропни. Не возвращаются ли шестидесятыя

годы со **ВСЪМЪ** тогдашнимъ **«нигилизмомъ»**. Всего опаснее, когда отменяются вопросы. У ведорова этотъ паеосъ отмены очень силенъ, у его **ЭПИГОНОВЪ** еще сильнее. Есть много вернаго у ведорова въ его критике увлеченнаго мышления, прихотливыхъ **чувствъ**, бездейственныхъ **упований**. Есть правда въ этой воле **къ** делу и **дѣйствию**. Но есть опасность и въ этой гипертрофii «практическаго разума» и «делового сознанiя». Этотъ «практическій разумъ» очень нетерпимъ, не допускаетъ и не терпитъ никакой свободы. Деловитость становится пожирающимъ соблазномъ, **похищающимъ** человека у него самого. И не обостряется ли сейчасъ у **многихъ** этотъ соблазнъ укрыться и уйти отъ такъ наз. **«проклятыхъ вопросовъ»**, темъ самымъ уйти отъ самого себя, — въ эту «деловую» прозу текушаго дня или спящаго завтра. Здесь есть некое отреченiе отъ **небесъ**, подлинное самоумаленiе человека. Парадоксально оно сочетается именно съ **самоутвержденiемъ**, — это есть самоумаленiе отъ гордости. Человекъ притязаетъ на метафизическую самозаконность, отрицаетъ Абсолютное, а потому и самого себя объявляетъ конечнымъ, чтобы быть **высшимъ** судiей самого себя. Это очень характерное обращенiе или **«гетерогонiя»** камерной. И, замечательно, этотъ «деловой» духъ обычно совмещается съ жаждой «тайныхъ знанiй», съ **исканiемъ** тайныхъ силъ. Эта деловитая проза насквозь пропитана мечтательствомъ и фантазерствомъ. Въ системѣ ведорова душно, сколько бы ни говорилъ онъ о **небесныхъ** просторахъ и о **странствiяхъ** по звездамъ. Ибо

свивается и меркнетъ внутренне небо въ душе человека. Въ системѣ ведорова чувствуется **зачарованность** смертiю, въ ней вовсе нетъ пасхальнаго духа, пасхальной радости и света. И не **можетъ** быть. Ведь, по ведорову, смертiь еще не **побѣждена**. ведоровъ **свидѣтельствуетъ** только о томъ, что она можетъ быть и будетъ побеждена, если и когда «сыны **человѣческiе»** соединятся для борьбы съ нею... У ведорова поражаетъ эта его постоянная обращенность и словно **вывороченность** во **внѣ**... Онъ даже решаетъ сказать, что не такъ важно изменять отношенiя людей между собою, сколько **отношенiе** человека къ природе. Соединить людей* между собою **Федоровъ** расчитываетъ въ общемъ тягле, въ общемъ труде, противъ природы... Многихъ у ведорова **привлекаетъ** именно этотъ его «деловой» или «трудоной» паеосъ, **переходъ** отъ «слова» къ «делу». Но ведь переходъ этотъ мнимый, — «дело», о **которомъ** говорить ведоровъ, есть греза, и «трудъ», къ которому онъ призываетъ, есть нечто мнимое и пустое... Въ **мировоззрѣнiи** ведорова совершенно выпадаютъ «все внутреннiя и **подлиннiя**» ценности человѣческаго творчества и вдохновенiя. Онъ къ шшг глухъ и даже враждебенъ. Въ его «деловомъ» настроенiи есть несомненный привкусъ нигилизма. **«Миръ** даяг намъ не для поглядѣнiя» звучитъ почти такъ же, какъ у Базарова: **«Миръ** не храмъ, а **мастерская»**... Миръ для ведорова **ѣ** есть мастерская, жуткая мастерская для **оживленiя** труновъ... У ведорова сочетаются разеудочность и мечтательность. Это очень нередкое сочетанiе.

Так бывало у многих просветителей и утопистов. Достаточно вспомнить снова Огюста Копля Опи и полями метафизику во имя ошибочного знания, и открываешь простор для вовсе не проверяемых грез. Современного человека в систем бедорова привлекает сразу многое и разное. И, прежде всего, — ограниченность человеческих кругозоров*, близость берегов*... Мир* по бедорову вполне конечен и ВПОЛНЕ обозрим. Федоров весь «по эту сторону». Всякое стремление «на ту сторону» ему кажется уже напрасным беспокойством, бездѣлем. И под* отрицание подпадает* собственно и вся область нравственных* исканий, стремлений, беспокойства, — и вся вообще творческая динамика человеческого ДУХА. Вся культура затягивается в какое-то идеологическое и утилитарное тягло. бедоровъ очень напоминает старинных* филантроповъ и мечтателей XVIII-го века, съ ихъ проектами очастливить человечество. Самое слово «проект*» отдает* стилем* Просвещения И этот рецидивъ Просвещения совсѣмъ неожиданъ после всѣхъ душевныхъ и духовныхъ открытій и опытов* прошедшаго столетия... Современный продолжатель бедорова, Н. А. Сетницкий, написал книгу «О конечном* идеалѣ». В ней он* толкуетъ Апокалипсисъ окъзывается книгой о человеческом* дѣйствіи, проектом* грядущаго «темного рая», который «можно назвать Государствомъ Юанна», въ проинвоположность Платонову Государству. Это перетолкование очень характерно. Толкователь не умѣетъ прочесть въ книгѣ напи-

саннаго в* ней, ибо не хоѣтъ прочесть, — самое характерное въ книгѣ «Откровений» именно то, что здѣсь предопредѣляется конечное **Откровение Божье**. Сетницкий въ такой книге читаетъ только о человеке. И с* самаго начала резко сказывается эта жажда концов*, эта воля къ **окончанію**. Сетницкий чачинаетъ съ критики известной книги П. И. Новгородцева И въ ней отвергаетъ именно то, что въ ней всего важнее, — отвергаетъ этотъ паѳосъ безконечнаго **роста**, эту динамику духовнаго **восхожденія**. Сетницкаго безконечность пугаетъ, какъ хаотическая неопределенность, — безконечное для него зяетъ пустою. Хочетъ остановиться... Верно, что «идеал*», вовсе не достигаемый ии только регулятивный, есть мнимый идеалъ и обманчиво манищая мечта. Но въ учении о «безконечномъ совершенствованіи» идеал* осуществим* и осуществляется. Ибо самое стремленіе к* высшему, самая к* нему творческая любовь есть уже некая положительная ценность, и ценность вечная, неотъемлемая. Вот* этого не понимаетъ Сетницкий, не понимаютъ этого и другие продолжатели бедорова. Ибо въ этой системе шеть места для осуществления личности. У бедорова и особенно у его эпигоновъ очень мелкая и непритязательная антропология. Для них* человекъ есть существо конечное. Ему и не нужна безконечность. Онъ созданъ для конечнаго и законченнаго **мира, чтобы!** въ немъ властвовать и править силами. И кажется, тайна человеческого существования обнажится, когда человек* овладеет* звездными просторами и стѣнет* кормчимъ небесныхъ тел*.

Здесь уже вовсе нетъ человѣка, онъ потерялъ въ космическихъ ритмахъ и даляхъ. Въ этомъ главный провалъ всей системы. Въ ней **нѣтъ** человѣка, есть только родъ **человѣческой**. И снова вспоминается Огюсть Контъ съ его афоризмомъ, что «человѣкъ существуетъ только въ абстракши метафизиковъ». Существуетъ только Человечество... Современный успехъ идей ведорова связанъ именно съ глубокимъ антропологическимъ кризисомъ нашего времени. Въ наступившую эпоху человекъ **теряетъ** самого себя... Возражать ведорову и его **адептамъ** можно многое и очень многое. Но нужно понять ихъ. Нужно понять, въ чемъ для самого ведорова была привлекательность его системы, въ чемъ привлекательность ея для нашихъ современниковъ. На второй вопросъ ответить легче, чѣмъ на первый. Личная тайна ведорова остается закрытой. Его обликъ остается загадочнымъ. Современниковъ своихъ намъ легче понять... Въ «проекте» ведорова ихъ привлекаетъ, прежде всего и всего больше, — власть **надъ** природой. И въ этомъ властвованнн или «творческомъ обладаннн» переплетаются «магическіе» и «технические» мотивы. Современный человекъ чувствуетъ себя **дѣтелемъ** и въ самой природе, чувствуетъ себя именно **техникомъ**, хочетъ имъ быть. Вотъ этому самочувствію или самоопредѣленію **отвѣчаетъ** и импонируетъ «проектъ» ведорова. Онъ привлекаетъ именно, какъ «идеологія» технической эпохи, технического уклада и типа жизни. И ведоровъ **провидѣлъ** современный техницизмъ изъ духа **магіи**. Здесь не случайная связь. Современный техницизмъ,

какъ **міровоззрѣніе**, развивается изъ предпосылокъ такъ наз. «научной философіи» прошлаго века, на почве позитивизма и сциентизма. И въ немъ вскрывается магическое **подсознаніе** этой «научной» философіи. Натуралистъ въ новое время начиналъ какъ наблюдатель, какъ собиратель, какъ «испытатель природы». Но никогда не **переставалъ** думать о власти. Еще Бэконъ подчеркивалъ, что «знаніе есть власть». И*въ гезизисе новаго естествознанія нельзя разделить Бэкона и Парацельса. Въ прошломъ **вѣкъ** естествоиспытатель сталъ **экспериментаторомъ** по преимуществу. И первое желаніе у него было наследовать, познавать и открывать. Но скоро пробуждается **желаніе** овладѣвать и повелевать, передѣлывать природу. Это было, въ сущности, прорывомъ въ научности. Въ игру вводился новый факторъ — власть человека. И всюду есть своя маія и мистика власти. Человекъ можетъ насиловать и природу. Этотъ аспектъ развивавшагося техницизма болезненно чувствовалъ и **провидѣлъ** **Рескинъ**, и противъ этого **насилія** гневно **декламировалъ**. Но человекъ все глубже «врезывалъ свой страшный путь» въ плоть природы. Эго стало возможно только черезъ **материализмъ**, когда была обездушена и душевно обезкровлена природа и обращена въ какой-то легкоплавкій материалъ, податливый властной десницѣ **Человѣка**. Этому очень содействовало и снижете познавательныхъ идеаловъ. Привыкали говорить объ условности, относительности, субъективности, даже фиктивности научныхъ понятій и построений. Такъ утрачивалось **сознаніе** объектив-

ности или реальности мировых законовъ. Человекъ и чрезъ гносеологию выходилъ или выпускалъ себя на просторъ. Конечно, природа угрожаетъ, подавляетъ, тѣснитъ человека. Но тѣснить какъ косная и грузная масса, какъ хаосъ и стихія... У ведорова удивляетъ это упрощеніе всей натурфилософы до проблемы регуляціи. Въ природѣ есть силы, тайныя и ведшая силы, но нѣтъ разума. Продолжатели ведорова еще болѣе подчеркиваютъ эту пустоту и слѣпогу природу. Въ «природной стихійности», въ этомъ «расплавившемся и разбрызгивающемся мірѣ», Сетницкій не находитъ никакого лада и меры, никакой космичности. Только хаосъ, никакого «порядка», никакой устойчивости. «Богъ вполне отдѣленъ отъ стихій»... Иначе сказать, въ Міре Бога нѣтъ. Это, по меньшей мѣрѣ, деизмъ. И практически это сужденіе ничѣмъ не отличается отъ безбожія, ибо действовать въ Міре приходится, какъ если бы Бога и не было. Отсюда именно это неожиданное сотрудничество «вѣрующихъ» и «богоборческихъ» продолжателей въ мнимомъ «общемъ» деле... Технизмъ есть кризисъ ученія о природѣ и ученія о человеке сразу. Человекъ становится меньше и природа беднее. Но человекъ самому себѣ кажется более сильнымъ... И, действительно, въ технике обнаруживается и открывается метафизическое достоинство человека... «Позитивизмъ» взрывается изнутри. Человѣкъ не только «органичный штампикъ», но и властитель. Страшнымъ образомъ, и то, и другое — вмѣстѣ. Открывается некая тайна о человѣкѣ и въ немъ самомъ... И творится о человеке новый мифъ,

мифъ о титанѣ... Мы уже вошли въ проблематику советской идеологии, въ проблематику планового самочувствія. Это и есть самораскрытие технического идеала. Остается неяснымъ и непредопределеннымъ, ради чего человекъ завладеваетъ природой, что именно онъ ей повелеваетъ. Откуда у человека вѣдѣніе целей, если окружающій міръ пусть и пластиченъ, откуда «задачи» у человека? Здесь вторая и новая брешь въ позитивизме... Однако, всего характернее то, что въ современную эпоху самая социальная жизнь технифицируется, — и притомъ двояко. Не въ томъ только дело, что социальная или политическая власть пользуется техникой или применяетъ ее. Гораздо важнее другое, современная власть принуждается вести своихъ «подданныхъ» къ какимъ-то сверхсоциальнымъ и «метафизическимъ» целямъ. Есть странный спросъ на правительственную идеологию, на мировоззрѣніе, продиктованное сверху. Правду сказать, такъ это не только теперь. Здесь снова предъ нами рецидивъ не то Просвѣщенія, не то государственнаго полицейзма, когда власть заботилась и о мировоззрѣніи своихъ подданныхъ или гражданъ. Того же сознательно хотели реформаторы начала прошлаго века, — Сень-Симонъ, Контъ, Фурье. Сейчасъ новая волна «идеократіи». И здесь еще одна брешь въ позитивизме, еще одинъ прорывъ въ метафизику. Государство притязаетъ на сверхэмпирическую мощь... Именно въ порядкѣ «идеократіи» развивается въ Совѣтскомъ государствѣ плановое строительство. Въ немъ есть свой квази-религиозный пафосъ, — магия и мистика хозяйства... Здесь

новая встреча современного духа съ Федоровским «проектом». Богоборческий строй может устоять только силою сверхъэмпирических заданий. Отсюда этот паеосъ строительства, эта суета делания въ природе. Система бедорова осуществляетъ все возможныя пожелания такой «идеократіи» до конца... И къ дѣйственному паеосу она больше подходит*, чѣмъ экономическій материализм*... Есть и еще одна черта, характерная для нашей эпохи. Развивается ложная духовность... Отчасти это связано уже съ опустошеніемъ природы. Человѣкъ остается вдруг* въ одиночестве: среди ледяной пустыни. Онъ оставленъ на самого себя. Ему оставленъ только разумъ и воля. Съ этимъ связано развитие въ современную эпоху разныхъ попытокъ вліять сознаниемъ на окружающіхъ и на самую природу. Есть воля гипнотизировать и есть спросъ на гипноз*. Въ этомъ психологическая природа успеха всехъ тайныхъ учений послѣднихъ времен*, — антропософій, оккультизма, Christian Science... «Проект*» бедорова относится къ той же категоріи. Не есть ли это фантастическая въ своей грандіозности попытка точно загипнотизировать міръ разумомъ и заставить силы Міра служить сознанию? Именно въ этомъ и весь паеосъ системы. И въ этомъ ея новая привлекательность для современна™ духа. Здесь очень остро чувствуется дуализм* и напряжение между сознаниемъ и бытіем*... При такомъ рѣзкомъ разрыве этихъ двухъ терминов*, когда «бытіе» или природа приравнены къ хаосу, и человѣкъ тѣмъ самымъ превращается въ законодателя, ника-

кого другого модуса действовать и не остается кроме власти и внушения. И тѣмъ самымъ человек* подымается до уровня какого-то тварнаго демиурга. Въ такомъ самосознаниі вся прелесть «стройки»... Система бедорова очень импонируетъ этому «демиургическому» или «люциферическому» инстинкту человека... Дѣйствуетъ въ мірѣ только человѣкъ... Міровоззрѣніе бедорова есть сложная мозаика, даже не ткань и не сеть. Въ ней странно примыкають один* къ другому самыя неожиданныя камушки. Отсюда возможность разныхъ оцѣнокъ и разныхъ впечатлѣній. Есть въ ней и христіанскіе элементы. Но судить нужно самый замыселъ или планъ системы. И, какъ целое, система бедорова оказывается только сублимированнымъ гуманизмомъ. Самое въ ней загадочное; это отсутствие духовной жизни. Нетъ никакого горенія, тревоги, подъема. Вся религіозная жажда отведена въ какие-то боковые протоки, насыщается суррогатами грезъ. Человек* стоитъ не предъ Богомъ, но предъ природою. Нет* рѣчи о жизни въ Богѣ. Нетъ воли, чтобы благодать Божія пролилась въ міръ. Сетницкій даже считаетъ, что молитва можетъ только повредить. Человѣкъ долженъ съметь победить и безъ Бога, собственной силой. «Спасеніе» человечества и космоса есть дело самого человечества во всехъ его стадіяхъ отъ начала до конца... бедорову нельзя вменять всехъ мнѣній его продолжателей. Но слѣдуетъ признать: тайну бедорова они доказываютъ верно. Это есть тайна челоѣкобожія, тайна обезбоженнаго человека... Христі-

анская фразеологія здесь вовсе не нужна. Она мѣшаетъ. И блескъ мечтанія не есть пламень благодати... Въ системе ведорова обличается одинъ изъ тупиковъ со-

временнаго міровоззрѣнія. И ея привлекательность опасный симптомъ. Симптомъ душевнаго усыханія...

Георгій Флоровскій.

Суворовъ въ Прагѣ

Столѣтіе кончалось безпокою. Еще не перестали ужасать сухой звукъ падашаго ножа гильотины, какъ со всехъ сторонъ начали греметь пушки. Неведомые до того люди и неизвестные города заняли видныя места въ обществѣ и на карте. Небольшой провинціальный городъ Берлинъ сталъ приковывать къ себе вниманіе целой Европы. Роль чешской Праги, правда, еще была впереди, но уже и этотъ городъ вышелъ изъ замкнутости только частной жизни. На ея улицахъ и площадяхъ теперь часто появляются иноземные солдаты въ невиданныхъ формахъ, высокихъ шапкахъ, длинныхъ кафтанахъ и на маленькихъ мохнатыхъ, необыкновенно быстрыхъ лошадяхъ. Для Праги 1799 года было огромной сенсацией, что часть русской арміи, двинувшейся противъ французовъ, остановилась тутъ на короткій срокъ.

Руссофильство, въ томъ виде, какъ мы его знаемъ, тогда еще не существовало, уже хотя бы потому, что о дѣтской русской землѣ знали мало, точнѣе, не знали почти ничего. Лишь аббатъ Добровскій, посившій въ молчѣхъ салонахъ и дворянскихъ замкахъ кличку «голубой аббата» изъ-за его элегантной свѣтлосиней шинели, предугадывалъ своимъ гениальнымъ чутьемъ то, что познѣе доказала наука. И все же онъ не былъ одинокъ въ своемъ ин-

тересѣ къ неизвестнымъ солдатамъ; почти все пражскіе жители относились къ нимъ съ симпатіей и охотно ходили въ ихъ лагерь, знакомились съ ними, даже звали ихъ къ себе домой, где всячески угощали. Была однако и небольшая группа антагонистовъ. Среди нихъ особое место занималъ тоже весьма образованный и исключительно умный человекъ, очень недовольный Россіей, въ свое время популярный д-ръ Гельдъ, которому суждено было лечь какъ разъ Добровскаго въ тяжелую эпоху его душевной болезни. Какъ-будто нарочно судьба его, однако, толкала ко всему русскому. Его братъ служилъ въ русской арміи и, будучи прекраснымъ музыкантомъ, издалъ въ Петербургѣ несколько своихъ музыкальныхъ произведеній для гитары, но въ этой же холодной и далекой Россіи пропалъ безъ вести. Были у Гельды и другія встречи съ Россіей, вѣрнѣе съ женщиной, имевшей отношеніе къ этой странѣ.

Неподалеку отъ Праги находилось имѣніе одного герцога, известнаго въ Европѣ подъ именемъ Курляндера, который въ дѣйствительности былъ сыномъ временщика Бирона. Продавъ за огромную единовременную сумму и меньшую пенсію Курляндское герцогство, онъ выехалъ съ женой и дочерьми за границу, гдѣ